

МАЛЕНЬКАЯ ВЫСТАВКА НА МАЛОМ ПРОСПЕКТЕ

С 27 ноября по 21 декабря ушедшего года экспонировалась 2-ая выставка Горкома графиков. Две небольшие ком-натки, одна чуть поболее другой, завешаны небольшими работами (около 70 единиц) 23-х авторов. Единственный, кто рискнул выставить большой холст, оказался Ю. Дышленко со своим "Диалогом о погоде". Прочие выставили небольшие холстики, акварельки, миниатюрки и рисуночки. Пожалуй, в зальчиках было даже миленько. Публичка ~~была~~ ^{были} очень чинная, рассматривала холстики, или же, сидя на стульчиках вела соответствующие разговорчики...

Я, к сожалению, опоздал к обсуждению (которое, похоже, прошло во всех отношениях самым приятным образом). Легкие группки зрительских мальчиков и девочек, а также солидных дам из местного ЖЭК'а задавали вопросы художникам, которые еще по давним традициям "Газа" и "Невского" носили на лацкане картонки со своими именами. Дамам и мальчикам было очень интересно послушать, что толкуют художники о своем творчестве...

В зальчиках висело 7 или 8 холстов с пейзажами Старой Ладogi. Обычно десятки их размещаются ежеcезонно в залах ЛОСХ'а на Большой Морской, но тут они как-то особенно остро напомнили мне свои старолadoжские впечатления. Летом там повсюду видишь грибы-зонты множества художников, сидящих на даче СХ. Холсты с равнодушными пейзажами крепости и курганов почти рериховскими парусами закрывают борта лодки местного перевозчика Хароньча, который за пятак перевозит неубывающие толпы тиражируемых гениев на ту и на эту сторону. Эти полотна, обычно годами незамечаемые на Б. Морской, здесь в приюте современного искусства согревают душу неожиданным теплом...

Жухлые пейзажи взрываются архисовременным полотном, которое Александр Бородин терпеливо заполнил цветными точками. Получился эдакий пуантилистический абстрактный

холст. Нельзя не отметить трудолюбие художника, видимо, — несколько дней с упорством китайского резчика покрывавшего полотно. По свежести оно не превосходит соседние пейзажи. Тем более, что рядом висит очень миленькие акварельки с изображениями цветочков, какие увядали некогда на груди Веры Холодной. Их сменяют "чашекупольные" пейзажи Геннадия Зубкова, которые в таком окружении тоже принимают какой-то "староладожский" облик. Еще цветочки, еще незабвенная Старая Ладога, еще Бородин, но только не Александр, а Игорь: композиции типа вазарелевских, но только уменьшенные. Эти дощечки в художественной металлической оправе можно носить на шее в качестве бижутерии или иконы — типа той, которую носил революционный авангардист Синявин. Рядом — через ряд цветочков в горшочках — Михаил Шилов предлагает два портрета в "сыре": один изображает кого-то вроде К.Симонова в кругу бюстов и теней Шекспира, Сервантеса и других великих, на другом нечто вроде еще не очень старого В.Шкловского на фоне роскошного, но слегка засоренного крымского пейзажа в сирильных тонах.

(Этому единству несколько мешают портреты Зои Столяровой, написанные очень живописно и без натуги, и холсты — Михаила Церуша, который вылезает из конвейера "чашекупольного" пространства в какую-то свою, иную и более интересную сферу. Единственно, что объединяет их с окружающим — это стремление к живописному интиму и конкретности. Так что в этом плане все-таки все на местах).

Опять пейзажи Старой Ла... нет, это не Волхов, а Нева... еще один робкий "сюр"... театральные эскизы на темы "Тристана" и "Сирано", сыгранных в современных костюмах... Холодноватый "гипер" Юрия Чигирева, фактурный "Натюрморт" Анатолия Гольбрайха (трудно судить, но вполне приемлемо с точки зрения бабушек из ЖЭК,а), еще Ладога и, наконец, Дышленко...

Это действительно крупная (по своим размерам) вещь — в типичном для автора последних лет американском оформительском стиле. Мне пока трудно разобраться в своих ощу-

щениях, но что-то изменилось. В моем ли отношении к работам этого художника, который, даже вызывая у меня внутренний спор, тем не менее заставлял пристально вглядываться в его вещи. А может — нечто в самом Дышленко? А может быть, дело в месте приписки-прописки полотна. Потому что здесь мне почему-то захотелось уменьшить — скажем, до размера книжной суперобложки для тома, большое полотно, посвященное ли структурализму, семиотике, теории турбулентности или чего-нибудь подобного. Возможно, потому, что эти залы художников промышленной графики? Или потому, что все здесь уменьшенно, мило, декоративно, ничто не хочет спорить с другим. И мне вспоминается старая подвальная мастерская этого художника неподалеку, длинная стремительная тень Дышленко, использующего старый златоустовский клинок в качестве указки, шагающего ~~вдоль~~^{по} своих сериалов и пытающегося примирить живое чувственное искусство с последними достижениями современной научной мысли, ваволнованно фехтующего со своей тенью и плотью своей мысли...

И глядя сейчас на художника, снисходительно и устало повторяющего ~~темы~~^{топик} своих мыслей ~~попытки~~^{попытки} из жакетовских бабушек и девочек, в дорогих выцветших джинсах, мне вспомнился тот великолепный клинок из златоустовской стали — а вдруг и он уменьшился до размеров ножа для разрезания книжных страниц?
